

мифологии. При этом в различных мифопоэтических системах эти природные объекты имеют совершенно реальный облик, узнаваемые черты, которые передаются из поколения в поколение в мифах, сказках, бывальщинах и прочих формах устного народного творчества. Как отмечал Э.Б.Тайлор, «Первая и главная причина превращения фактов ежедневного опыта в миф есть верование в одушевление всей природы – верования, которое достигает высшей своей точки в олицетворении ее...солнце и звезды, деревья и реки, облака и ветры становятся личными одушевленными существами, которые живут наподобие людей и животных...» [11, с. 128–129].

Восточнославянская мифология не является исключением. Так *Дажьбог–солнце* представлялось нашим предкам красивым, сильным юношей, молодым князем, попечителем пахарей и сеятелей, поэтому к нему и обращались с просьбами повлиять на погоду, подействовать урожаю [2, с.124–125]. *Дождь*, как объект поклонения и магических действий, был связан с богиней воды *Данной* [2, с.165–166]. *Облако (хмара)* представлялось светловолосой девушкой, нимфой небесной воды. Совсем другое дело дождевая или градовая *туча* – это громадный змей, выпивающий моря, реки и озера. Управляет тучами ведьма [2, с.562].

Радуга тоже напрямую связана с дождем. Она представлялась нашим предкам небесным коромыслом, которым *Громовница* – древняя богиня весны и плодородия – черпает воду из океан – моря и орошает ею поля. Помимо коромысла радуга представлялась также небесным змеем, кольцом, поясом, повязкой из убранства небесной девы и мостом, перекинутым с неба на землю [2, с.59]. Могущественный повелитель есть и у *ветра. Стрибог* – отец или дед ветров. У него шесть сыновей, шесть дочерей и множество ветров – внуков [2, с.510].

Помимо закличек – поэтических обращений к явлениям природы, существовали и средства общения с животными, птицами, насекомыми и растениями – *приговорки*.

Уже в потешках, прибаутках, песенках няньки ребенок знакомится с повадками и голосами птиц и животных. А как только дети начинают самостоятельно передвигаться, они получают возможность наблюдать их непосредственно и ищут средства общения с представителями животного и растительного мира. Этой цели и служат приговорки. Зафиксированы приговорки – обращения к бабочке, божьей коровке, улитке, мышке, кукушке, коршуну, к лесу и грибам, и даже к таким явлениям, как цыпки и икота.

Характер обращений, их внутренний смысл и значение для исполнителя неоднозначны. Кроме приговорок – обращений к сакральным персонажам – жаворонкам, кукушке, пчелке, божьей коровке – к которым обращались с просьбами принести весну, лето, предсказать судьбу, существовали и обращения к бабочке, улитке, стрекозе которые вряд ли могли принести практическую пользу. Вероятнее всего здесь важна была реализация самого принципа магического мышления, подтверждения возможности влияния на окружающую природу с помощью слова.

Некоторые приговорки представляют собой своеобразные гадания. Наиболее известны обращения к кукушке. Чаще всего у нее спрашивали: «Сколько лет проживу?». Почему же именно к кукушке обращались со столь важным вопросом? В мифологиях многих народов кукушке приписывался вещий дар, мудрость, долголетие, способность исцелять. Эти исключительные качества обуславливались связью кукушки с миром мертвых [2 с, 405]. Кроме того, наши предки считали, что именно кукушка приносит тепло, весну, у нее хранятся ключи от вырия – дивной, обетованной, теплой стороны, куда улетают души умерших. Помимо того, у восточных славян существовал магический обряд, называемый «похороны кукушки», который проводился в мае, и аналогичный обряд погребения крыла птицы в начале осени. Крыло символизировало ключ от вырия. Т.о. очевидно, что образ кукушки в детских приговорах является мифологическим, и дети, наблюдая обряды, принимая участие в них, слушая и заучивая несложные тексты, через понятные им образы приобщались к мифопоэтической системе народа.

Помимо кукушки в приговорах обращались к жаворонку, ласточке, журавлю, аисту, которые тоже являлись сакральными образами и связывались с теплом, весной, урожаем, плодородием, достатком.

Не менее интересны приговорки – обращения к насекомым. В ряде случаев они представляли собой простое детское развлечение. Например, увидев бабочку или стрекозу, дети приговаривали: «Стрекоза – колечко, Сядь на крылечко!» или «Бабочка – либочка, сядь покури! Я тебя не буду бить, буду сахаром кормить!» [6, с.197. – №185,183].

Найдя ромашку с муравьями, дети водили по тычинкам цветка, пока из-под них не выползали черненькие букашки, при этом приговаривали: «Поп, поп, Выпусти собак, Кони во ржи, Жеребята в овсе.» [10, с.210 №634].

Подобные примеры записаны на Украине, в Белоруссии и представляют собой обычное детское развлечение. Совершенно иной характер носят приговорки – обращения к божьей коровке *Божья коровка* – образ сложный и многогранный, фигурирующий в мифологии многих народов. Истоки мифов о божьей коровке восходят к так называемым основным мифам индоевропейской мифологии и прослеживаются в многочисленных вариантах. Помимо связи со скотом, принадлежащим богу, она связана с солнцем, небесным огнем, переходом от старого года к новому. Божья коровка летает на небо, передает богу различные просьбы, приносит детей, помогает разыскивать стадо, предупреждает об опасности, предсказывает урожай и т.д. Раздавить божью коровку считается величайшим грехом.

В детском репертуаре приговорки – обращения к божьей коровке составляли большинство. Рассматривая жучка, дети приговаривали: «Божья коровка, Слетай на небушко, Принеси мне хлебушка» [6, с.196. – №180].

Яркая окраска крылышек в сочетании с черными пятнышками напоминала нарядные красные рубахи, поэтому в ряде регионов России божью коровку называли «ванюшка» или «скоморох»: «Скоморох, скоморх, Полетай на горох...» [10, с.209. – №630].

Чаще всего к божьей коровке обращались с вопросами о погоде: «Божья коровка, Ведро иль ненастье?» ответ определялся по полету жучка [8, с.16].

Обращались к божьей коровке и с вопросами, более серьезными, чем метеомантия. Так в ряде областей Западной Украины ее называли *бобруна*, *козявочка*, *ворожка* и обращались с вопросами о замужестве, женитьбе, продолжительности жизни [4, с.98].

Подобным уважением и любовью среди насекомых у восточных славян пользовалась только *пчела*. Она считалась райским созданием и принимала участие в сотворении мира. Пчела выполняет божьи поручения, живой огонь восковой свечи это священная жертва богу, часто пчелу называют «божьей мухой», а кусает она только грешных [2, с.23–24]. Поэтому к пчеле тоже обращались с просьбой «замкнуть зиму» и «отомкнуть летечко» [8, с.174].

Приговорки – обращения подобного типа не только воспитывали любовь к природе, бережное отношение ко всему живому, чувство единения с окружающим миром, но и, что особенно важно, вводили ребенка в круг сакральных образов, таких как «солнце», «небо», «бог».

Поскольку почти все рассмотренные нами заклички – приговорки были призваны так или иначе повлиять на погодные условия, что было чрезвычайно важно для результатов крестьянского труда, очень органично к ним примыкали приговорки – обращения, которые произносились при посеве сельскохозяйственных культур – гороха, репы, редьки, льна: «Уродись, горох, Отлично хорош...», «Репка–репонька, Родись крепонька...», «Редька – редка, Родись хороша, Ни мали, ни велика, До мышинного хвоста.» [10, с.204–205, №№629, 630, 631].

Любимым занятием деревенских ребятшек всегда были походы в лес за *грибами*. Это, казалось бы, нехитрое дело сопровождалось целым циклом специальных приговорок. Среди них можно выделить обращения непосредственно к грибам и к лесу: «Боровик, боровик, Красная головка, Дам тебе морковку.», «Земелюшка добра, Вырасти гриба – Гриба грибового, Во бору борового» [10, с.205–206. – №633, 635]. «Гайку, гайку, Дай гриба й бабку, Сироїжку з добру діжку, Красноголовця з хлопця!» [13, с. 63].

Сбор грибов не случайно сопровождался многочисленными приговорками. Роль грибов в мифологии и культуре многих народов весьма значительна, хотя еще и мало изучена. В народных представлениях грибы занимают промежуточное положение между растениями и животными, часто наделяются демоническими свойствами, соотносятся с потусторонними силами, имеют эротическую символику. Принадлежность грибов к нижнему миру, откуда они произрастают, связывает их со злыми силами – часто они выполняют их задания, заманивают детей в лес, или же в грибы превращаются ведьмы и колдуны [7. – Т.1. с.335–336].

В походах за грибами, орехами, ягодами дети получали первый опыт самостоятельного освоения чужого, «недомашнего» пространства. В дуалистических мифологических системах противопоставление «селение – лес» является одним из основных выражений оппозиции «внутренний – внешний». (Эта бинарная оппозиция подробно рассматривалась нами в статье [9]). Для наших предков *лес* был не только источником грибов, ягод, лекарственных трав, дичи и древесины, но и местом средоточия могущественных сил, требовавших уважения и почитания со стороны человека. И если в народных колыбельных устойчивым представителем леса (правой части оппозиции) является волк, то в приговорках круг мифологических образов, связанных с лесом, значительно шире.

Помимо наиболее известного лешего, в лесу обитало великое множество более или менее могущественных духов. Это аука, боли – бошка, лесавки, моховой, пущевик и др. Абсолютное большинство из них относилось к человеку по меньшей мере недоброжелательно, вызывая естественное чувство уважения, почитания, а в ряде случаев даже страха. При этом совершенно очевидно, что наказывался человек только за хищническое отношение к лесу, при бережном отношении к природе лес щедро делился своими богатствами, а мифологические образы помогали поддерживать хрупкое равновесие в системе «человек – природа». Помимо приговорок дети слышали от старших и передавали в своем кругу различные сказки, легенды, былички, поверья о лесных обитателях, что способствовало расширению их представлений о традиционной картине мира.

Кроме обращений к лесным духам, существовали и обращения к духам воды, которые должны были обезопасить ребенка во время купания в реке. Так, по наблюдениям Г.Довженок, в некоторых регионах Украины маленькие дети, входя в воду, приговаривали: «Чортюк, чортюк, Не ламай кісток. Ти з води, а я в воду!». Если дети купались в четверг на троицкой неделе, когда мавки празднуют свою пасху, чтобы не стать их добычей, полагалось приговаривать: «Мавко, мавко, На тобі полинь, А мене покинь» [5, с.155].

Также существовали приговорки, близкие к заговорам лечебной магии. Они помогали избавиться от икотки, ячменя, соринки в глазу, воды в ухе, цыпок на руках и ногах и т.п. Здесь также присутствует характерная для мифологического мышления персонификация и вера в силу магического воздействия словом [12, с.467–476].

Выводы: таким образом, заклички – приговорки восточнославянского детского фольклора, помимо трудового, экологического и эстетического воспитания, способствовали приобщению детей к системе традиционных мифологических образов, определенному мировоззрению, типу мышления и правилам взаимодействия с окружающей действительностью. Базовая схема мироустройства, заданная в колыбельных песнях с помощью основных бинарных оппозиций [15, с.159–163], в закличках – приговорках наполнялась яркими, понятными и доступными ребенку образами, что способствовало формированию целостной мифопоэтической картины мира в сознании ребенка, приобщению его к основным

мировоззренческим принципам, характерным для культуры восточных славян.

Источники и литература

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М., 1957. – 367 с.
2. Войтович В. Українська міфологія. – К.: Либідь, 2002. – 664 с.
3. Барташэвіч Г.А. Вершаваныя жанры беларускага дзіцячага фальклору. – Мінск, 1976. – 175 с.
4. Довженко Г.В. Український дитячий фольклор (віршовані жанри). – К.: Наукова думка, 1981. – 172 с.
5. Дитячий фольклор / Упоряд. і передмов. Г.В.Довженко. – К.: Дніпро, 1986. – 304 с.
6. Мельников М.Н. Русский детский фольклор: Учеб.пособие для студентов пед. институтов. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.
7. Мифы народов мира: энциклопедия : В 2 т.– М., 1991. – Т.1– 2.
8. От прибаутки до былины: (Русский фольклор)//Сост. и примеч. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1991.– 368 с.
9. Перзек М.Ю. Мифологическая картина мира в народных колыбельных песнях: Збірник наукових праць; Вип. 4; ч. 1; Луганськ: Вид-во Східноукр. нац. Ун-ту ім В.Даля, 2004.–280с. с.189–201.
10. Потешки. Считалки. Небылицы./ Сост., авт. вступ. статьи и примеч. А.Н.Мартынова. – М.: Современник, 1989.– 320 с.
11. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 622 с.
12. Токарев С.А. Ранние формы религии.– М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
13. Український дитячий фольклор /Упорядник і передмова В.Г.Бойко.– К.: Вид-во АНУРСР, 1962. – 248 с.
14. Фольклор для детей от колыбельных до былин. – М.: Правда, 1990 / Сост., вступ. ст. В.И.Калугина/ – 580 с.
15. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни. – В кн.: Этнические стереотипы поведения. – Л.: Наука, 1985. – 325 с.

Петрова Л.А.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ – ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА

Выделение и обоснование категорий «художественная картина мира», «художественное значение», «художественная дефиниция», которыми апеллирует современная лингвистика, опирается на комплексное осмысление связи языка и мышления.

В XX веке начались поиски путей преодоления дистанции между языком и первичной реальностью, являющейся объектом осмысления в слове и, в конечном счете, причиной его существования. Эстетическая речевая деятельность возникает из потребности, предметом которой является сам процесс деятельности. В связи с этим определяется цель исследования – раскрыть проблему взаимодействия художественного мышления и художественной картины мира в русле современной научной мысли.

Широко распространено мнение о том, что истоки проблемы художественного мышления лежат в античной философии. Ее решение начинается с вопроса об отношении рационального знания к мифологии (стоики, софисты, эпикурейцы).

Исследованию места мифа в развитии художественного мышления посвящена докторская диссертация И.М. Зварича [3], в которой доказывается, что миф представляет собой неотъемлемое свойство человеческого мышления. На этом основании выстраиваются парадигматические связи между явлениями словесного искусства. Художественное мышление, вводя миф в систему постоянных категорий моделирования художественного космоса, демонстрирует усвоение и переосмысление основ народного мировидения.

Одним из общепризнанных стало представление о последовательности развития художественного мышления, которое опирается на мифологию, наследует ее материал, свойства и структурообразующие основы. В первую очередь, речь идет о закономерностях моделирования Космоса. Общим и универсальным свойством для подобного моделирования выступает целостность мироздания, которая понимается как функционирующее системное единство. Мифологические модели Вселенной репрезентируют целостность через единые связи всех элементов, входящих в названную систему. Единство связей проявляется в том, что они обусловлены местом, свойствами, функциями всех элементов в содержании макрокосма и микрокосма. Целостность небесного определяет целостность земного как взаимосвязь отдельного с общим и общего с отдельным. Все вместе образует модель Вселенной.

Л.А. Закс, рассматривая проблемы взаимосвязи природно–социокультурного и художественного мироздания, отмечает такой парадокс: человек, относящийся к миру художественно, выходит за весьма жесткие рамки представлений своей эпохи. Зная в качестве «обычного» человека значительно меньше ученых, художник силой интуиции прорывается к радикально новым горизонтам понимания мира. Происходит это в результате того, что творец художественного произведения обладает особым, художественным, типом сознания. Художественное сознание, в трактовке Л.А. Закса, – «это социокультурно обусловленный идеальный субстрат (основание) и механизм (способ) художественно–образного освоения мира, система идеальных структур, порождающих, программирующих и регулирующих художественную (творческую и восприимательскую) деятельность и ее продукты» [2, 7].